

**УЧАСТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ
В КАРАТЕЛЬНЫХ АКЦИЯХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (1941 — 1944 гг.)****Б.Н.Ковалев***Гуманитарный институт НовГУ, bnikov@mail.ru*

В статье рассматривается деятельность прибалтийских, казачьих и кавказских карательных формирований в рядах вермахта на Северо-Западе России в 1941 — 1944 гг. На широком документальном материале раскрыты масштабы преступлений этих подразделений против советского гражданского населения и пленных красноармейцев.

Ключевые слова: *коллорабационизм, оккупация, Великая Отечественная война*

The article considers the activity of Baltic, Cossack and Caucasian retributory commands in the ranks of Wehrmacht army in the Northwest of Russia in 1941 — 1944. The significant documentary materials show the potential stakes of their crimes against the Soviet non-combatants and captured Red Army soldiers.

Keywords: *collaborationism, occupancy, the Great Patriotic War*

Вопрос об участии национальных коллаборационистских формирований на стороне вермахта советскими историками практически не освещался. Сама информация об этих вооруженных подразделениях шла вразрез с теорией о «нерушимой дружбе народов Советского Союза в борьбе против общего врага».

В последние годы, особенно в странах Прибалтики, на государственном уровне стала поддерживаться теория о «двух оккупациях»: советской и нацистской. При этом участие национальных формирований в карательных акциях на территории России или преуменьшается или вообще замалчивается.

Одним из лозунгов, выдвинутых нацистской пропагандой в начальный период войны против Советского Союза, был следующий: «Крестовый поход народов Европы против ига жидо-большевизма». Гитлеровцы стремились максимально разыграть национальную карту, привлекая на свою сторону жителей союзных республик. Особо нацистами выделялись Прибалтика, Закавказье и Украина.

Уже с лета 1941 г. на оккупированной территории России начался процесс создания нацистских структур управления. Из местного населения предполагалось использовать в первую очередь тех, «чьи семьи пострадали от большевиков», но при этом предпочтение отдавалось «жителям окраинных государств», т. е. Прибалтики и Украины [1]. Гитлеровские пропагандистские службы отмечали, что люди со стороны, не имеющие никаких связей в данном регионе, смогут более успешно проводить политику установления «нового порядка». Кадры обычно набирались путем освобождения военнопленных из национальных меньшинств [2].

В донесении командира оперативной группы А бригаденфюрера СС Штальбекера о деятельности группы в прифронтовой зоне Северо-Западной России и прибалтийских республик говорилось: «Мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей, в первую очередь, евреев и коммунистов» [3]. Задачу по очищению территории от «нежелательного элемента» офицеры вермахта возложили на карательные отряды, находящиеся при военных комендантах. В большинстве своем они были сформированы из жителей Эс-

тонии и Латвии. Привлечение к данным акциям граждан прибалтийских республик захватчики объясняли тем, что они не хотят допустить повторения 1937-1938 гг., когда «сосед сводил счеты с соседом из корыстных побуждений» [4].

В течение 1942 — 1944 гг. на территории Новгородчины и Псковщины действовали несколько крупных латышских полицейских формирований. Немцы зачастую поручали им наиболее грязную и кровавую «работу». Пережившие это страшное время крестьяне Псковщины рассказывали, что немцы перед своим уходом предупреждали их о том, что следует спасаться и уходить из деревень, поскольку «скоро придут эстонцы (латыши) и сожгут всех» [5].

В октябре 1943 г. подразделения 37-го эстонского полицейского батальона во главе с Э.Оодлой и Э.Пихном сожгли вместе с жителями деревню Ланёва Гора — за «связь с партизанами». Чудом спасшаяся А.И.Данилова рассказывала: «Каратели окружили деревню. Все — кто куда. Мы кинулись в окоп, тут, за домами. Пять семей нас было. И, может быть, уцелели бы, но ребятишки от страха плакали и нас выдали. Соплали всех к колодцу. Поставили пулемет. С нами говорили по-русски, а меж собой по-эстонски. А потом приказали расходиться по домам. Как вошли в дом, нас к стенке меж окон и давай стрелять. Маму с отцом сразу убили, меня ранили. Когда дом загорелся, я в окно выползла» [6]. Всего в этой деревне эстонские каратели уничтожили 63 человека. Среди них 29 детей [7].

Одно из мест массового уничтожения мирного населения и пленных красноармейцев на Северо-Западе России находилось в деревне Жестяная Горка Батецкого района. Карательный отряд, дислоцировавшийся здесь, был укомплектован в основном жителями Латвии. Уже в первые месяцы после освобождения, в 1944 г., советской стороной стали собираться свидетельства о фактах массовых расстрелов. Так, свидетель И.М.Большаков показал: «В нашей деревне Жестяная Горка, в которой я проживал в период оккупации, находился карательный отряд немецких войск СС в течение более двух лет, в 1941 — 1943 годах, который производил аресты мирных советских граждан: коммунистов, активистов, партизан и военнопленных Красной Армии и массовые расстрелы арестованных

лиц... За деревней Жестяная Горка расположены 4 ямы с трупами захороненных людей» [8].

В акте комиссии по содействию в работе ЧГК, составленном в декабре 1944 г., отмечалось: «Находившийся в названной деревне отряд войск СС на протяжении времени с октября 1941 года по 1943 год производил массовые аресты и расстрелы советских граждан, коммунистов, советских активистов и военнопленных красноармейцев. Каратели советских граждан после ареста привозили группами и в одиночку в деревню Жестяная Горка. Здесь некоторым из арестованных производился короткий допрос с пытками. Часть людей без допроса сразу же расстреливали. Трупы расстрелянных граждан складывали по порядку в заранее приготовленные ямы, засыпали тонким слоем снега, а потом вновь расстреливали и хоронили в те же ямы. Расстрел производился в полукилометре за деревней Жестяная Горка, левее дороги, идущей из деревни» [9].

В Новгородском кремле, в зале театра, 7 декабря 1947 г. началось открытое судебное заседание военного трибунала. На скамье подсудимых находились девятнадцать бывших германских военнопленных. Вмененные им преступления на оккупированной территории подпадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников». Процесс в Новгороде стал одним из крупных открытых судов над немецкими военными преступниками.

В уничтожении мирного населения около деревни Жестяная Горка обвинялись в первую очередь немцы. Но по показаниям свидетелей было выявлено, что в состав этой «команды» входили не только граждане рейха Абрам Амман, Герман Цитцман, Пауль Фишер и Герман Винклер. В их подчинении находились прибалтийские немцы, латыши и русские (до войны проживавшие в Латвии), всего около трех десятков человек [10].

Было установлено более сорока конкретных фактов расстрелов мирных граждан в Жестяной Горке. Жертвы привозились из Новгородского, Оредежского, Батецкого, Лужского, Гатчинского районов [11]. Среди замученных, уничтоженных людей были задержанные партизаны, бойцы Красной Армии, выходившие из окружения, мирные граждане, в том числе женщины и дети. Свою «работу» каратели документировали.

1 февраля 1942 г. Расстрелян цыган Масальский Яков с четырехлетним сыном из дер. Лабози.

13 августа 1942 г. Казнь четырех евреев.

28 августа 1942 г. Казнен священник Александр Петров из Гатчины.

5 октября 1942 г. Бывший председатель колхоза «Ленинский труд» (под Новгородом), уличенный в помощи партизанам, казнен тайлькомандой. Также казнен бургомистр дер. Чауни. За отчетный период проверены 12 русских девушек, предназначенных для отправки в Германию.

13 октября 1942 г. За отчетный период в районе команды взяты в плен шесть партизан и два агента.

12 февраля 1943 г. Расстрелян Васильев Иван из дер. Капустно, Иванов Василий Иванович из деревни Новая Деревня, Цигенбард Наум, еврей, зоотехник... [12].

Уже после войны сотрудниками органов государственной безопасности были установлены некоторые из карателей. Один из них — Янис Цирулис 1910 года рождения, уроженец города Валка. В 1935 — 1939 гг. учился в офицерской школе, получил звание старшего лейтенанта. В 1940 — 1941 гг. служил в территориальном корпусе Латвии. В самом начале войны дезертировал из Красной Армии и оказался в полицейских частях. В 1942 г. его перевели на службу в Жестяную Горку.

В 1944 г. Цирулис оказался в латышском легионе, где он командовал одним из батальонов 34-го полка. Окончание войны застало его в Германии. Естественно, на родину он возвращаться не стал. На протяжении нескольких лет бывший каратель являлся заместителем командира так называемой латышской рабочей роты при американской армии. Принимая активное участие в деятельности латышских эмигрантских кругов в ФРГ, сделал определенную политическую карьеру — стал председателем организации «Даугавас ванаги» [13].

Альфонс Янович Удровскис 1918 года рождения, уроженец Алуксненского района Латвии. В 1940 — 1941 гг. служил в Красной Армии. В начале войны добровольно перешел к немцам и предложил свои услуги в качестве шофера. Оказавшись в карательном подразделении в Жестяной Горке, принимал участие в уничтожении мирного населения. Во время побывок в Латвии гордо рассказывал знакомым, что он «наводит порядок в России». Вытатуировал на верхней части руки эсэсовский знак.

После разгрома фашистов Альфонс оказался на Западе. Здесь его интернировали англичане. В страхе перед возможным наказанием он отрезал компрометирующую его татуировку — на руке остался лишь уродливый шрам. Однако единственная существенная неприятность, с которой пришлось столкнуться Удровскису, это норма питания в лагере военнопленных. Англичане кормили их по тому же рациону, который отпускали гитлеровцы британским пленным. Хотя Удровскис похудел на 10 килограммов, конец этой истории был для него счастливым. Англичане «реабилитировали» его и отпустили на волю. Очень кстати тогда же канадские власти стали вербовать рабочую силу «с Востока» [14]. В начале 50-х годов каратель из Жестяной Горки стал добропорядочным гражданином Канады. Он поселился в городе Торонто, провинция Онтарио, где работал в компании General Motors в отделе технического контроля.

Но даже когда сотрудникам органов государственной безопасности удавалось установить о бывших карателях все вплоть до домашнего адреса, привлечь к уголовной ответственности их было невозможно. Они находились на Западе, где считалась недопустимой выдача «бывших граждан Латвии в лапы КГБ».

Кроме прибалтийских формирований на Северо-Западе России оккупантами использовались кавказские и казачьи карательные отряды. Пользовавшиеся репутацией прирожденных воинов и непримиримых врагов большевизма казаки одними из первых привлекли внимание германских военных. Причем с самого начала подразумевалось, что казаки будут нести исключительно боевую службу [15].

К сентябрю 1942 г. практически вся территория проживания казаков на Северном Кавказе оказалась захвачена вермахтом. В этих условиях командование группы армий «Юг» стало формировать казачьи воинские части. Для идеологического обоснования своих действий нацистами была разработана теория, согласно которой казаки являлись потомками остготов, владевших причерноморским краем во II — IV вв. и, следовательно, были не славянами, а народом германского корня, «сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной». Эта теория, нелепая и фантастическая, очень понравилась Гитлеру [16].

Альфред Розенберг, как было вскрыто на Нюрнбергском процессе, предлагал энергичнее использовать «исторически закоренелую ненависть между кавказскими народностями, развивая ее, идя навстречу гордости и тщеславию тех или других», обострять национальные противоречия с целью господства в районе [17]. В дополнение к этому рейхсминистр Восточных областей «позаботился» и о судьбе кавказских национальных формирований, которые, по его мнению, необходимо было использовать в дальнейшем как особые охранные части, «так как этого потребует местная сложная обстановка». Определять места дислокации национальных частей следовало с расчетом на углубление противоречий между разными народами. Таким образом, казачьи формирования оказались в центральных и северо-западных областях России.

448-й казачий отряд был сформирован из бывших военнопленных Красной Армии в марте-мае 1942 г. на территории Смоленской области. Он состоял из четырех эскадронов и насчитывал около 500 человек. С мая 1942 г. до июля 1944 г. это вооруженное подразделение действовало на территории Смоленской, Калужской, Брянской и Псковской областей, оно активно участвовало в операциях по борьбе с партизанами. Каратели этого отряда отличались исключительной жестокостью по отношению к мирному населению: проводили массовые аресты, расстрелы, истязания, сжигали населенные пункты. Как установили позднее псковские чекисты, «по далеко не полным данным участниками казачьего отряда в боях на территории Псковской области было убито 34 партизана, расстреляно 63 человека, в том числе детей, женщин и стариков, сожжено около 20-ти деревень» [18].

В январе 1943 г. каратели арестовали жителей деревень Ежино и Абаканово Е.Ф.Рогачёву, М.А.Корнееву, Т.Корнееву по подозрению в связях с партизанами. В течение трех дней их пытали и, не добившись никаких показаний, публично расстреляли в указанных деревнях.

Осенью 1943 г. каратели сожгли деревни Станки, Столпово, Козари, Житниково, Блиново, Гусино,

Свинищи Пустошкинского района. 3 ноября 1943 г. в дер. Игнатово Пустошнинского района каратели расстреляли трех партизан. Партизану В.Кононову выкололи глаза. В тот же период за деревней Дрозды Себежского района они учинили зверскую расправу над захваченным в плен партизаном Корнеевым, которому сломали руки, отрезали нос, разрезали бок и шею.

В мае 1944 г. путем провокации каратели выявили, что жители деревни Асташево Опочецкого района А.А.Анисимова и ее муж А.А.Яковлев поддерживают связь с партизанами. Анисимову после истязаний повесили в деревне, а Яковлева расстреляли. В той же деревне изнасиловали девушку А.Алексееву и потом ее расстреляли. В деревне Федькино Опочецкого района каратели арестовали К.Игнатьеву, поддерживающую связь с партизанами, подвергли ее пыткам, нанеся 18 ножевых ран и разрезав рот, а потом расстреляли.

В июле 1944 г. казачий отряд выехал на территорию Латвийской ССР, где в районе городов Круспилс и Екабпилс участвовал в карательных операциях против партизан. В начале 1945 г. немцами отряд был переброшен в Германию, где на реке Одер занимался строительством линии обороны, а часть карателей перешла на службу во власовскую армию [19].

После войны советским органам государственной безопасности удалось выявить на территории СССР и привлечь к уголовной ответственности всего 30 человек [20]. Значительной части преступников удалось легализоваться в Западной Европе и Америке.

Летом 1942 г. в украинском городе Лохвица командование германской армии при содействии эмигрантского «Армянского национального комитета» приступило к формированию «армянского национального легиона» из числа бывших военнослужащих Красной Армии, добровольно сдавшихся в плен к немцам и содержавшихся в лагерях военнопленных. Антисоветскую и пронацистскую обработку добровольцев проводили представители «Армянского комитета», одним из которых был генерал Саркис Саркисян, белоэмигрант и офицер германской армии. После групповой идеологической обработки каждый легионер подвергался индивидуальному опросу и зачислялся в одно из подразделений.

«Армянский национальный легион» состоял из четырех батальонов. Каждый батальон имел в своем составе более 600 человек, вооруженных винтовками. В каждом отделении имелись ручные пулеметы, а в ротах — пулеметы. При батальоне имелся взвод тяжелых пулеметов, батарея из четырех легких орудий и два танка.

С февраля по июль 1943 г. в деревне Заверняйки Опочецкого района Псковской области дислоцировалось одно из подразделений 2-го батальона «армянского национального легиона», примерно в 125 человек. С весны 1943 г. около четырех месяцев в деревнях Болтино и Новоселье того же района дислоцировалось другое подразделение «армянского легиона», примерно из 200 человек. Также в течение 1943 г. и весны 1944 г. фиксировалось появление легионеров в составе крупных подразделений в районах деревень Вольное Освобождение, Стрибово, Пушкинские Горы, Столбово, Куденково.

В задачи «армянского национального легиона» входила вооруженная борьба с партизанским движением. Легионеры в составе крупных соединений проводили боевые операции против партизан, задержанных народных мстителей расстреливали или направляли в лагеря в Германию [21]. Кроме того они занимались арестами, избиением и ограблением мирных советских граждан. Арестованных советских граждан направляли в лагеря, а деревни сжигали.

Весной 1944 г. «армянский национальный легион» передислоцировался в Латвию, а в мае 1944 г. был вывезен во Францию, где большинство легионеров после открытия второго фронта были пленены англичанами.

Таким образом, в карательных акциях против мирного населения на оккупированной территории Северо-Запада России кроме немецких войск и полиции принимали активное участие национальные коллаборационистские формирования. В Советском Союзе на изучение данной проблемы был наложен негласный мораторий: исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы. Однако без всестороннего анализа истребительной политики нацистов и их пособников невозможно понимание характера Великой Отечественной войны.

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф.260. Оп.1. Д.139. Л.11.
2. Там же.
3. Палачи. Из тайных архивов спецслужб рейха // Военно-исторический журнал. 1990. №6. С.30.
4. Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области (АУФСБНО). Д.2 А/1084. Л.9.
5. Литвинов М.Ю., Седунов А.В. Шпионы и диверсанты. Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. Псков, 2005. С.185-186.
6. Там же. С.187.
7. Там же.
8. Цит. по: Петров М.Н. Тайная война на Новгородской земле. В.Новгород, 2005. С.155.

9. Государственный архив Новгородской области. Ф.Р-1793. Оп.1. Д.7. Л.68.
10. Петров М.Н. Указ. соч. С.278.
11. Там же. С.156.
12. АУФСБНО. Д.7/141. Л.263-265.
13. Там же. Л.238-239.
14. Там же. Л. 240-244.
15. Крикунов Петр. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С.327.
16. Dallin A. German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Policies. L.: 1957. P.301.
17. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С.462.
18. Архив Управления ФСБ РФ по Псковской области, Д.100. Л.83.
19. Там же. Л.84.
20. Там же. Л.25.
21. Там же. Л.26.

Bibliography (Transliterated)

1. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Novgorodskoj oblasti (GANINO). F.260. Op.1. D.139. L.11.
2. Tam zhe.
3. Palachi. Iz tajnyh arhivov specsluzhb rejha // Voennno-istoricheskij zhurnal. 1990. №6. S.30.
4. Arhiv Upravlenija FSB RF po Novgorodskoj oblasti (AUFBSNO). D.2 A/1084. L.9.
5. Litvinov M.Ju., Sedunov A.V. Shpiony i diversanty. Bor'ba s pribaltijskim shpionazhem i nacionalisticheskimi bandformirovanijami na Severo-Zapade Rossii. Pskov, 2005. S.185-186.
6. Tam zhe. S.187.
7. Tam zhe.
8. Cit. po: Petrov M.N. Tajnaja vojna na Novgorodskoj zemle. V. Novgorod, 2005. S.155.
9. Gosudarstvennyj arhiv Novgorodskoj oblasti. F.R-1793. Op.1. D.7. L.68.
10. Petrov M.N. Ukaz. soch. S.278.
11. Tam zhe. S.156.
12. AUFBSNO. D.7/141. L.263-265.
13. Tam zhe. L.238-239.
14. Tam zhe. L. 240-244.
15. Krikunov Petr. Kazaki. Mezhdru Gitlerom i Stalinym. M., 2005. S.327.
16. Dallin A. German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Policies. L.: 1957. P.301.
17. Semirjaga M.I. Kollaboracionizm. Priroda, tipologija i projavlenija v gody Vtoroj mirovoj vojny. M., 2000. S.462.
18. Arhiv Upravlenija FSB RF po Pskovskoj oblasti, D.100. L.83.
19. Tam zhe. L.84.
20. Tam zhe. L.25.
21. Tam zhe. L.26.